

М.А. ГОЛОВАНЕВА
(Астрахань)

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПЕРЕСТРОЙКА» В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЕ КОНЦА XX в.

Рассматривается объективация концепта «Перестройка» в русской политической драме конца XX в. посредством привлечения оценочной лексики, являющейся коммуникативно-когнитивным маркером авторского художественного сознания.

Ключевые слова: лексема, концепт, коммуникативная-когнитивная стратегия и тактика, драматургический текст.

Концептосистема русского языка изучалась в работах Н.Н. Болдырева, С.Г. Воркачева, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Г.В. Токарева и др. Актуальным для данного исследования является определение, данное Н.Ф. Алефиренко: «концепт – особым образом структурированное содержание акта сознания, воплощение в содержательной форме образа познаваемого предмета. Это своего рода энграмма (осадок в памяти) мысленно сформулированного образного содержания, коллективный архетип культуры...» [1, с. 9]. В коммуникативно-когнитивном пространстве драмы именно концептам как мобильным единицам мышления, структурам, вмещающим в себя содержание, доверено быть носителями информации и в процессе коммуникации «будить», следуя авторскому замыслу, определенные ментальные области читателя. Однако концепт не отражается в неизменном (обозначенном автором) виде в сознании читателя ввиду того, что не может быть для человека «ни дефиницией, ни набором некоторых признаков, он представляет живое знание, т.е. динамическое функциональное образование, являясь продуктом переработки вербального и невербального опыта – изменчивым, текучим, подчас неуловимым, как всякое знание» [5, с. 76].

Главным в концептосфере русской политической драмы конца XX в. является концепт «Перестройка», а его наиболее активными репрезентантами – лексические единицы *перестройка*, *время*. Следуя типологии концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина (Там же, с. 117), необходимо классифицировать концепт «Перестройка» как **гештальт**. Это «комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании <...> целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» (Там же, с. 119). Политический словарь выделяет ряд явлений, внесенных в постсоветскую жизнь перестройкой: *демократия западного типа, свобода, гласность, обнищание населения, развал всех отраслей промышленности, глобальное изменение массового сознания, приход к власти коррумпированных элементов, разгул преступности (в том числе и этнической), наркомания, проституция, снижение рождаемости, обострение межнациональных отношений* [7]; Исторический же словарь определяет понятие перестройки в его новом, переосмысленном, адаптированном к историко-социальным прецедентам соответствующего периода виде: «Перестройка – внесение коренных изменений в порядок, систему чего-либо, коренное изменение направления деятельности, взглядов» [3].

В текстах политической драмы конца XX в. ключевая номинация *перестройка* выявляется в следующих контекстах: Потанин. ...*Ох, как нынче не ждет время! Перестройка, человеческий фактор...* Потанин. *Начинается новая фаза, новый этап перестройки. Готовы ли вы к нему, готова ли к нему газета?*... (К. Щербаков. Перемена); Можжевельников. *Время сейчас другое. Перестройка, Людмила, поставит все на свои места;* Андрей Иванович. ...*Уступите дорогу прорабам перестройки;* Людмила. ... *Кривошапко один из первооткрывателей законов перестройки...* Кривошапко. ... *Но возопил благим матом: чего стоит нынешняя перестройка, демократия, гласность,*

святая справедливость, если вместе со мной, вместе с разноперой гнилью вынужден отбывать срок наказания Захар Петрович?!! ... (Н. Мирошниченко. Фанатик) и др.

Особое место среди языковых средств, участвующих в объективации концепта «Перестройка», занимает оценочная лексика, определяющая человека (соответственно занимаемой им общественно-политической позиции) и социум (с точки зрения основных политических и нравственных векторов). Характеристика данного пласта лексики в квантитативном отношении специфична: 1024 примера (82% оценочной лексики) указывают на коммуникативно-когнитивную функцию слов, сочетаний, слов-компонентов полупредикативных и предикативных конструкций. Это коммуникативно-когнитивные маркеры авторского художественного отношения к изображаемой действительности, опосредованного коммуникативно-когнитивными ролями персонажей.

Оценка есть компонент коннотации. В отличие от эмоциональности, которая свойственна как говорящему, так и слушающему, оценочность может выражать только говорящий [8, с. 259]. Слияние личностной и политической оценок в отношении одного действующего лица в большой степени характерно для политической драмы. При этом подобная оценка принимает статус обобщенной, коммуникативно релевантной. Негативные стороны перестроечной реальности отразились в оценочной лексике, входящей в:

1) **предикативные конструкции:** Трофимов. ...*страна необразованная, народ безнравственный, притом скука...* (А. Хорт. Дача специального назначения);

2) **полупредикативные конструкции:** Вепрев. ...*Для этой работы есть Рыкуновы... Ворующие у государства, ненавидящие все живое и честное...* (Р. Солнцев. Статья);

3) **адъективы в определительной функции:** Голос Виктора. ...*Истекло ваше время. Замечают вас грамотные, знающие люди, вы устарели давно.* ... (Г. Бакланов. Я и мы);

4) **фразеологические единицы в роли предикативного центра предложения:** Можжевельников. *Понимаю! Тебе и всем тем, у кого «рыльце в пушку», это не выгодно.*

Отрицательная оценка наблюдается в примерах, включающих отмеченные конструкции: Куренной. ...*Нет врагов, милые! Есть просто люди... ленивые... равнодушные... всякие...* (Р. Солнцев. Статья); Нина. ...*а у него в приемной... эдакая вальяжная, вся в кулонах, кольцах, брелоках... с каким самодовольством, высокомерием, сознанием своего превосходства она швырнула в меня: «Вы заблуждаетесь, гражданка, в нашем государстве нет осужденных за политику...»;* Нина. *Но ведь это он! Он вовлек... Он сатирировал. Он давал тебе книги. Ты же... такой поддающийся. Что стоило тебя? Когда мы впервые встретились...* (А. Сударев. Дом для свиданий); Яворская (с улыбкой). *Кто вас этому научил? Лю д м и л а. Я и сама птичка стреляная. Яворская. Вы «птичка» с подрезанными крылышками. А еще вернее: вы птичка, посаженная в клетку. И взлететь вы не можете. И попорхать свободно вам не позволяют; Лю д м и л а. Вы кого собираетесь раскусить: меня или Варьку? Если Варьку, то поберегите зубки. Орешек с камушком* (Н. Мирошниченко. Фанатик).

Положительная оценка качеств и деятельности персонажей выявлена в небольшом количестве драматургических контекстов, что свидетельствует об общем негативном восприятии авторским коммуникативно-когнитивным сознанием реалий исследуемого исторического периода. Оценочная лексика входит в синтаксические конструкции, отмеченные выше. Случаев с конструкцией, включающей фразеологический оборот, не выявлено. Приведем примеры: Глеб. ...*В этом смысле профессор...* (Пауза) *Умный, обаятельный, талантливый человек и завидная пробивная сила!* (Д. Меркулов. Честь и место); Бездомных. ...*он человек знающий, принципиальный. Из рабочих.* ...; Вепрев. ...*Нет, Харчевестный человек. Только беспринципный;* Монтредон. *Он очень хороший... честный человек...*; Вепрев. *Спасибо. Она честный человек;* ...*Я думаю, новые руководители зреют: ... терпеливые психологи...* (Р. Солнцев. Статья); Полунин. ...*Мне видится, что эта книга будет о нашем современнике, остро чувствующем необходимость перемен, готовом идти на риск* (Э. Бобров. Личное мнение).

Политические, моральные, личностные качества, характеризующие конкретного персонажа, получают в художественном произведении смысловое приращение. Происходит генерализация смыслов (обобщение, логический переход от частного к общему, подчинение частных явлений общему принципу [2, с. 172]). Оценка героя, выраженная посредством абстрактных субстантивов, призвана воплощать коммуникативно-когнитивный замысел автора: переносить свойство из области принадлежности конкретному персонажу на персонажный тип, т.е. обобщать, проецируя за узкое эксплицитное выражение расширяющиеся имплицитные смыслы. Так, в последующих примерах отмечаемые качества героев толкуются реципиентом как типичные, преобладающие для социумной реализации индивида в условиях перестройки: Портнов. ... *Что касается Виктора, он, конечно, за свое разгильдяйство, за моральное соучастие... будет отвечать* (Г. Бакланов. Я и мы); Артелин. ... *ну и всегда попрекал тебя конформизмом. ...но есть, я понял, вещи более значительные и высокие. Твоя отчаянная преданность...*; Кочнев. ...*это расценили как пособничество* (А. Хазанов «Холодный дом»); Зябликова. ... *Бесхребетность... беспринципность... всеядность... Нельзя быть для всех добреньким!* (С. Михалков. Кавардак); Сирый. ... *«Создаешь себе ложный авторитет, идешь за народом. Хвостизм!»*; Голощапов (Выборнову, спокойно). *Да пошел ты... К такой-то матери со всей своей жальностью! Слюняйством! Ханжеством!* (А. Мишарин. Серебряная свадьба).

Кроме того, отвлеченные субстантивы с отрицательным оценочным вектором становятся обозначением качеств, присущих российскому перестроечному обществу в целом, что свидетельствует о включенности в ассоциативное поле концепта «Перестройка» негативных ассоциатов в преобладающем количестве. Коммуникативно-когнитивная цель автора в данном случае – развенчание мифов о прогрессивной, преобразующей социально-политической роли перестройки, реализация коммуникативной стратегии дискредитации перестроечного общества. Большая популярность в это время драм о сталинской эпохе объясняется необходимостью осмысления причин деградации советского общества конца XX в., а также возможностью прямой проекции коммуникативно-когнитивных отражений большей части социумных явлений раннего социализма на подобные явления в период развала строя. Например: Ленин. ... *Много шума, много трескотни, истерик, паники* (Г. Соловский. Вожди); Киров. ... *называя тебя Лениным, мы ведь в самом деле имели в виду Ленина, который никогда бы не допустил такую вакханалию лести и угодничества вокруг себя...* (Там же); Иосиф. ...*Пиши. Ленину. Железнодорожный транспорт по всей линии фактически разрушен. Поезд движется недопустимо медленно. Всюду вакханалия, спекуляция.* ... Иосиф. *Полное перерождение. Смыкание мещанства с обскурантизмом и клерикализмом* (О. Кучкина. Иосиф и Надежда); Сталин. ...*С утра до ночи – кляузы, обман, интриги, козни, происки, наветы, а анонимки – даже в День Победы!* ... (В. Коркия. Черный человек); Нина. ... *«В день торжественного пуска первой очереди будет греметь оркестр, звучать приветственные речи, а мы, слушая все это, вспомним, сколько было неразберихи, разгильдяйства и безответственности...»*; Шофер. *Да кто ж ему такое разрешит! Самоуправство это* (Э. Бобров. Личное мнение).

В текстах преобладают субстантивы и отглагольные субстантивы узкой лексико-семантической группы, обозначающие социально-политический признак человека. При этом отрицательная оценочность и часто экспрессивность являются их неотъемлемыми признаками. Частые обращения к данной группе объясняется активизацией пласта существительных в конце XX в. («специфика эпохи»). Так, В.Н. Шапошников отмечает, что из других языков «приходят в основном – и раньше других слов – существительные. Их больше всего...» [9, с. 74]. Ученый акцентирует внимание на образовании глаголов, прилагательных и других существительных от существительных-новаций (иноязычных, перешедших в русский из других языков), что подтверждает их ведущую роль в лексике в данный исторический период. При этом активизируются и собственные субстантивы как самая востребованная морфологическая группа. Как показывает исследование, наиболее многочисленна группа субстантивов (в том числе отглагольных), адъективов и глаголов (64%). Приведем примеры отглагольных субстантивов: Русаков. ... *только я союзу кумовьев и стукачей не единомышленник* (В. Раздольский. Прости нас, мачеха

Россия); *Будьте беспощадны к паникерам, болтунам и предателям* (Г. Соловский. Вожди); Киров. *Не могли даже предположить, что ты превратишься из первого среди равных в обожествленного диктатора, не терпящего даже малейшего неповиновения себе* (Г. Соловский. Вожди); Новацкий. *Вы-то, Семен Семенович, пьянь безобидная. А Лобзик – это вас, Игорь Иванович, мы любовно называли – Лобзик... Вы – пьянь агрессивная. Мнящая о себе* (В. Левашов. ЧМО); Ермаков. *Да бросьте вы! Никто его ни за что не брал. Напыщенный болтун, а опыта жизни – ни на вот...* (В. Губарев. Последний посетитель); Сталин. *...Всех сразу ликвидировал?! Берия. Почти... Сталин. Оставил на развод, перестраховщик!* (В. Коркия. Черный человек); Андрей. *...убрать из бригады всех лодырей и прогульчиков.* ... (Э. Бобров. Личное мнение); Старик. *Ерунда... Но тип он страшный: сутяга, стукач и анонимщик, и, как говорят в Одессе, «будьте уверочки» – он своего добьется – жить нам не даст* (А. Козак. Веревка).

Многочисленность субстантивов с отрицательной оценочной семантикой как «знаков эпохи» [9, с. 108] в драматургическом тексте объясняется коммуникативными интенциями автора отрицательной классификации многих социально-нравственных и нравственно-политических явлений, повлиявших на ухудшение жизни в предперестроечный и перестроечный периоды. Языковая эпоха отразила концентрацию определительно-оценочных элементов, выраженных в основном существительными, а также существительными и согласованными с ними прилагательными. Такие языковые меты становятся концептуальными, функционируют в самых разных коммуникативных сферах. Очевидно, что режим речевой практики персонажей включает гораздо больше подобных единиц, чем зафиксировано в книгах В.И. Максимова [4] и В.Н. Шапошникова [9], что обусловлено их метафоричностью, художественностью. Так, данные исследователи отметили только слова *наркоман, проститутка, демагог, антисоветчик, рецидивист, бюрократ, конформист*. Приведем примеры: Зускин. *... Ты мог прекратить репетицию, потому что в театр явился маленький честолюбец, поэт-комиссар;* Зускин (убежденно). *Михоэлса они не убили, казнить талант невозможно. Убили, Бог им судья, злопамятного, двуличного честолюбца, эгоиста...* (А. Борщаговский. Король и Шут); *Ни одного иуды без доноса!* (В. Коркия «Черный человек...»); Северцев. *... Со всякой публикой иметь дело приходится. С негодьями в том числе.* ... (К. Щербаков «Случай из газетной практики»); Мария. *...А наркоманов и проституток и у нас хватает, можно профсоюз создавать...* (В. Губарев. Дача Сталина); Андрей Иванович. *Сколько трусов, захребетников, сторонних наблюдателей с партбилетом в кармане мы оправдали за счет Сталина, Хрущева, Брежнева! ...»; Кудреватых. ... Нет, участь трусливого захребетника не по мне...; Кудреватых. ... Первого следователя сменили на более деликатного, но чудовищного формалиста. ... Затем формалиста поменяли на верткого, скользкого, до отвращения любезного демагога. ... Ты же, вертлявый искуситель, считай, до третьего колена родословную мою изучил! Мытарства мои крокодильими слезами оплакивал!* (Н. Мирошниченко. Фанатик).

Отрицательная оценка может быть доведена в политической драме до определенного предела. Преследование автором коммуникативно-когнитивных целей, реализация речевых стратегий (в частности, риторических стратегий привлечения внимания и драматизации, прагматической формирования эмоционального настроения) требует речевой тактики эпатажа. Так, специфику политической драматургии данного периода составляет наличие политической инвективы, которую мы делим на политическое ругательство и обценную лексику в политическом контексте.

Политическое ругательство включает в себя экспрессивные политические выражения, не переходящие грани ругательства в общем смысле, но в контексте являющиеся политическими ругательствами: *ГБ (грозя пистолетом). Что? В карцер захотела? Шпионка! Уклонистка! Эсеровка!*; *ГБ. (размахивая пистолетом). Я тебе покажу, как свободу любить! Ты у меня лес повалишь! Космополит! Бухаринец! Троцкистское отребье!* ... *За сколько сребреников продал родину, иуда? Наймит империализма! Дзурушник! ... Враг народа!* ... (Юноше.) *А ну-ка, вредитель, подкулачник, тащи его на плитку!* (А. Козак. Веревка); Вепрев. *...Думали-думали, как меня взять за хобот, – придумали?! Вы еще пожалеете! Меньшевик!* (Уходя.) *Да меня в обиду не даст мой коллектив! Парторганизация!* (Р. Солнцев. Статья); Сталин. *Типичный ренегат* (С. Алешин. Со свиданьем ...).

Обсценная лексика в политическом контексте является прямой инвективой, преломленной политической тематикой высказывания говорящего. Например: Андрей. ... *Это было бы по законам мрази! А я – гражданин великой страны. И меня должен защищать закон великой страны!* (В. Левашов. ЧМО); Актриса. *Его мерзопакоство ушли обедать. ...*; Г.Б. *Я тебя быстро разговорю, бесеный пес!* (А. Козак. Веревка); Вепрев. ...*Шмакодявки!* (Р. Солнцев. Статья); Шайкина. ... *Ой, мерзавец, а еще партийный!* (В. Котенко. Железный занавес); Гроина. ... *Всех вас за это к стенке надо!!! Поганое ежовское отродье!* ... (А. Ставицкий. Трагический поединок); Устинья Карповна. *Вот тебе! Бес ты! Поганец! Чертово семя!* (Начинает топтать портрет Выборнова.) (А. Мишарин. Серебряная свадьба); Косторезов. ... *в такое время, на такой должности – подонка держать!* (К. Щербаков. Случай из газетной практики).

Положительная оценка взглядов и деятельности в форме субстантивов или субстантивно-адъективных сочетаний встречается в драматургическом тексте данного периода почти в четыре раза реже. Авторские коммуникативно-когнитивные стратегии дискредитации современной политики и драматизации являются сдерживающим фактором, который при логичном противопоставлении отрицательного положительному не позволяет расширять зону положительного. Имеющееся пространство положительной оценки включает в себя такие элементы, в которых художественный закон сгущения, концентрации действует в полной мере: в приведенных примерах оценка имеет превосходную степень. Примеры: Вепрев. *«Выпил и подумал: господи, а ведь ты был нашей совестью!..»*; Савостин. ...*Я думаю, новые руководители зреют: ...с огромной верой во все лучшее...* (Р. Солнцев. Статья); Кудреватых. ...*Он у нас, конечно, народ-герой! Народ-труженик! Народ-терпимец! Чем же мы, правящая, ведущая и направляющая партия, ему платим?*; Людмила. *Его по-разному обзывали. Кто христосиком, кто фанатиком, кто небожителем. ...*; Андрей Иванович. *А как вас встретил Кудреватых? Яворская. Как все великомученики за истину – презрительно...* (Н. Мирошниченко. Фанатик); Шорохова. ... *Явился этот правдоискатель ...* (К. Щербаков. Случай из газетной практики).

Отдельно следует сказать о таких фрагментах текста, в которых оценка взглядам и действиям дается в ироническом ключе, однако является полноценным отражением процессов, идущих в обществе, т.к. лексико-семантические средства репрезентации концепта «Перестройка» остаются теми же: Актриса. *Мы спекулянты, рвачи и будем раздевать трудовой народ – вот кто мы такие...* (А. Козак. Веревка); Артелин. ...*Я человек гордый, заносчивый, склонный преувеличивать свои убеждения...* (А. Хазанов «Холодный дом»); Михоэлс. *А я карьерист! Честолюбец! Выскочка! И конечно, тирран, диктатор!* (А. Борщаговский. Король и Шут); Яворская. ... *Здесь записала тех, с кем я встречалась после внимательнейшего ознакомления с делом Кудреватых – «вымогателя, рвача, взяточника»...* (Н. Мирошниченко. Фанатик).

В пласт оценочной лексики входит также глагол (с примыкающими элементами предикативных конструкций). Оценка взглядов и действий в подобной форме может даваться как одному персонажу, так и обществу в целом. В обоих случаях такие лексические маркеры служат объективации концепта «Перестройка», становясь когнитивными ассоциатами. Приведем примеры оценки действий одного человека: Людмила. ...*Кривошапко один из первооткрывателей законов перестройки. Он, мол, не воровал, а получал законные проценты за смекалку ...*; Кривцов. ... *Я только не изворачивался, демагогию не разводил. Не врал... как все* (К. Щербаков. Случай из газетной практики). Примеры оценки сферы действия всего социума на предперестроечном и перестроечном этапах: Плюсов. ...*Я умер потому, что любая живая мысль давится в зародыше, все продается и покупается* (В. Котенко. Железный занавес); Сирый. ... *«Ах, люди добрые, чего делается! Отсюда сыплется, там воруют, здесь приписывают... Там сгноят... Здесь пропьют!»*; Сирый. ... *Ведь целые учреждения с ведомствами под золотым дождем жируют! Да еще мало – сами дырки просверливают, чтобы побогаче текло!* (А. Мишарин. Серебряная свадьба); Кривошапко. ... *Он действительно чем-то был похож на небожителя. У нас особняки, дачи, машины. Мы как сыр в масле катаемся, с жиру бесим-*

ся, а он с женой в двухкомнатной квартирке; Кудреватых. **Кампанейски клялись. Потом рабски трепетали перед очередными клятвоотступниками.** ...; Кудреватых. ... **Мы обречены стадно выкрикивать его лозунги. Слепо, бездумно шарахаться из одной крайности в другую...** Он всесилен! ...; Кудреватых. **А кому нужна поруганная жизнь? Кому?! У меня отняли все: честь, свободу, доверие людей. Как смыть клевету?;** Яворская. ... **Человек был оклеветан. Лишен личной чести, гражданского достоинства. Нравственное надругательство длилось почти два года...** (Н. Мирошниченко. Фанатик).

Характеристика историко-политической эпохи в целом (т.е. репрезентация концепта «Перестройка») производится в драматургическом тексте также с помощью субстантивов. Так, **доперестроечная действительность** отражена в примерах: Кудреватых. ...**нам не удалось создать общество без тюрем и режимных колоний**...; Кудреватых. ... **В какой угол мы загнали социальное равенство? Вместо общества равных прав и возможностей граждан мы слепили многослойный пирог наследственных привилегий. Мы предали главный смысл, главную цель нашей революции – духовно-нравственное совершенствование человека** (Н. Мирошниченко. Фанатик); Антропов. ... **Как мы дожили до наглого чиновного всесилия, до мздоимства, пронизавшего повседневность, до разветвленной системы распределения благ с черного хода?** ...; Северцев. ... **Травля неудобных, подбор кадров по принципу личной преданности, шельмование в качестве метода профессиональной полемики, попытки превратить науку в свою личную вотчину, где с полной бесконтрольностью можно делать все, что удобно и выгодно**... (К. Щербаков. Случай из газетной практики). **Перестроечный этап** с «не-человеческим лицом» и художественной концентрацией пороков отражен в следующих драматургических фрагментах: Северцев. ...**Видя, как в Институте гуманитарных проблем все прочнее укореняются круговая порука, кумовство, протекционизм, Василенко боролся против этого**...; Северцев. **Прямой шантаж – это то, что делаете сейчас вы, Янина Михайловна**...; Кременцов. ... **Газета оказывалась неудобна, не попадала в принятый льстивый, стыдно восторженный тон.** ...; Потанин. **Я не могу уступить этому безответственному авантюризму и проигрывать газету!** ... **И буду бороться!**...; Андреев. ... **Кто занял бескомпромиссную и последовательную позицию в обсуждении проблем школьной реформы? Кто, наконец, регулярно писал об очковтирательстве, безобразиях в капитальном строительстве, о консервативных, застойных явлениях в управлении экономикой?**; Третий. ... **Все опять – юбилейно, седовласо и неподвижно** (К. Щербаков. Случай из газетной практики).

Особый период – **сталинскую эпоху** – многие авторы выбирают в качестве прецедентного политического этапа, проецируя его на современный исторический отрезок для проведения аналогий. Оценка сталинской эпохи содержится в немногочисленных, но показательных контекстах. При этом оценочная лексика избирается того же семантического плана, что и при определении позднего советского и постсоветского периода: Киров. ...**мы разрушили наше царство не ради новой империи, нового Рима, а ради создания нового общества**... (Г. Соловский. Вожди); Моногамов. ...**Удивительно, как люди быстро забывают кошмары тоталитаризма**... (В. Аксенов. Цапля); Сударев. ... **только и ждущий со дня на день, чтобы его растер в кашлицу державный каблук?** Бобров. ... **На две вещи мы щедры на святой Руси до самозабвения: на бумагомаранье да на скорую расправу, счета не ведем**... (Ю. Эдлис. Тройка).

Лексемно-концепторы гештальта «Перестройка» могут составлять различные языковые средства, из которых наиболее ярким является метафора (в том числе развернутая), широко представленная в политическом драматургическом тексте конца XX в.: Нина. **Когда я тебя полюбила, ты был... как чистый белый листок. Ты был... ангел. Ангел! А он пришел... и все кувырком. Шесть лет... Шесть лет, вырванных из твоей... из моей жизни**... (А. Сударев. Дом для свиданий); Кудреватых. ... **Мое имя в вашем шулерском пасьянсе, видимо, должно сыграть какую-то роль** (Н. Мирошниченко. Фанатик); Нина. ...**А это высокомерное отношение к Западу? К этому погрязшему в житейской суете, в погоне за материальным благополучием, обмещанившемуся Западу. Святая Русь выше сытос-**

ти. Нам ни к чему все эти... низменные излишества. Нам нужна и-де-я. Со-бор-ность... (А. Сударев. Дом для свиданий); Сталин. ...*Я – Светоч, Вождь, Хозяин, Номер Первый!*... (В. Коркия. Черный человек).

Подводя итоги, можно констатировать, что регулярное использование оценочной лексики в политической драме конца XX в. свидетельствует о ее роли коммуникативно-когнитивного маркера авторского отношения к изображаемой действительности, опосредованного коммуникативно-когнитивными ролями персонажей. Оценке подвергаются индивидуум, общество и конкретная историко-политическая эпоха (перестройка). Оценочная лексика может использоваться самостоятельно или входить в предикативные и полупредикативные конструкции, выполняя определительную функцию. К оценке явлений могут привлекаться и фразеологические единицы. Устойчивые морфологические лидеры в процедуре создания оценки – субстантив, адъектив, глагол. При эксплуатации оценочной лексики автор реализует коммуникативно-когнитивные *стратегии дискредитации современного общества, драматизации, привлечения внимания, формирования эмоционального настроения*. Отрицательная оценка явно преобладает над положительной, что свидетельствует об интенции эксплицитного выражения негативного отношения к современной автору объективной реальности (социально-историческому контексту) и выделения семы 'ухудшение' как основного когнитивного смысла в концепте «Перестройка».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии : монография. М: Изд-ва «Флинта», «Наука», 2009.
2. Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов : более 25 тысяч слов и словосочетаний. М. : Изд-во «Мартин», 2004.
3. Исторический словарь. URL : http://mirslovarei.com/content_his/perestrojka-4938.html.
5. Максимов В.И., Буре Н.А., Вакулова Е.Н. Словарь перестройки (1985 – 1992). СПб. : Изд-во «Златоуст», 1992.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М. : Изд-ва «Флинта», «Наука», 2007.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : Изд-во «АСТ: Восток-Запад», 2007.
8. Политический словарь. URL : http://mirslovarei.com/content_pol/PERESTROJKA-683.html.
9. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д. : Изд-во «Феникс», 2008.
10. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. 3-е изд. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

***Assessment vocabulary as the means of objectification of the concept “Perestroika”
in the Russian political drama of the end of the XX century***

There is considered the objectification of the concept “Perestroika” in the Russian political drama of the end of the XX century by way of assessment vocabulary, which is a communicative and cognitive marker of the author’s artistic consciousness.

Key words: *lexeme, concept, communicative and cognitive strategy and tactics, dramaturgic text.*